

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 1 (84)

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

КАБАРДИНСКИЕ ХАДЖРЕТЫ В ЧЕРКЕССКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Продолжение.
Предыдущие главы в
выпусках 20 (79) – 24 (83).

ПОСЛЕ АДРИАНОПОЛЯ. 1829 – 1864 гг.

После масштабных военных действий 1828 г. главные лидеры хаджретов были еще не готовы сложить оружие без всяких условий. Но данные архивных источников свидетельствуют о том, что все-таки процесс замирения начался. Хаджамбот Хамурзин с одним аулом (12 семей, 40 человек) фигурирует в списке за 20 марта 1829 г. в числе лиц, присягнувших российскому императору. (Ведомость о числе деревень, семейств и душ в оных горских жителей, принявших присягу на верноподданство государю императору Николаю Павловичу и наследнику его с прошлого 1828 года по сие число. Марта 20 дня 1829 г. // РГВИА. Ф. 846. Д. 6244: Собрание сведений о кавказских племенах, которые надлежит почитать мирными и приятными и предположения для приведения в покорность кавказских племен. 13 сентября 1828 г. – 2 июля 1833 г. Л. 26).

В ведомости лиц, принесших присягу в 1828 г., отмечается «кабардинский уздень живущий у башилбаевцев Аджи Хахандуков с подвластными». В 1828 г. под покровительством Хаджи Хахандукова было 40 семей или 193 человека. (Ведомость о числе деревень... Л. 24 об.).

2 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор между двумя империями – Османской и Российской. По условиям этого договора, османское правительство уступило России все побережье от устья Кубани до Аджарии. В тексте договора нет упоминаний о Черкесии или земле черкесов, что послужило впоследствии причиной противоречивых толкований. Условия Адрианопольского мира были сразу оспорены Англией, правящие круги которой не были согласны ни с русской трактовкой последнего трактата с Турцией, ни вообще с тем толкованием, согласно которому с юридической точки зрения данный трактат подразумевал переход черкесских территорий под русское управление.

Сами черкесы не собирались признавать сговор держав в отношении своей страны. Рус-

ское толкование Адрианополя в корне противоречило национальным интересам черкесов, стремлению сохранять независимость и неотъемлемому праву самим распоряжаться своей судьбой.

В сентябре 1829 г., то есть одновременно с заключением мирного договора с Турцией, Николай II «высочайше одобрил» план Паскевича об окончательном покорении горских народов одним решительным ударом.

2 сентября, синхронно с подписанием Адрианопольского договора, османский наместник Сеид-Ахмед-паша с отрядом из 200 турецких солдат при 2-х орудиях, прибыл в аул абадзехского дворянина Магомет-Селим-Гирея на р. Пскупсе. Отсюда он приглашал черкесов к общему ополчению против русских и в своих воззваниях угрожал всем покорившимся племенам полным разорением, если они откажутся присоединиться к нему. На призыв паша откликнулись абадзехи, махошевцы, егерухаевцы, немирные темиргоевцы во главе с князьями Джамбулатом и Шумафом, и закубанские кабардинцы.

10 сентября 1829 г. Джамбулат составил партию в 500 человек из самых отборных всадников, большей частью узденей, и с ними двинулся к Кубани с намерением прорваться в Кавказскую область между станицами Григориполисской и Темижбекской.

14 сентября генерал Антропов предписал полковнику Залещинскому с резервом из 250 казаков вверенного ему донского полка и одним конным орудием расположиться на р. Кубани, между станицами Григориполисской и Темижбекской, с целью предупредить вторжение горцев на линию. Сам же Антропов стал у Прочного Окопа в полной готовности перейти Кубань для встречи неприятеля. В ожидании подкрепления, Антропов оставался в Прочном Окопе до 16 сентября.

15 сентября отряд Джамбулата уничтожил команду из 60 казаков под началом сотника Гречишкина у Песчаного брода на р. Зеленчук-Терс.

22 сентября отряд Антропова предал огню аулы Шумафа Айтекова-Болотокова на Фарсе. 24 сентября отряд Антропова предал огню «два больших аула узденей» Джамбулата Айтекова-Болотокова на Белой, в Майкопском ущелье: «После сильной перестрелки аулы были взяты и сожжены». 26-27 сентября на левом берегу р. Белой полковник Залещинский с донцами предал огню богатый аул одного из узденей Джамбулата.

26 – 29 сентября отряд Антропова движется обратно к Кубани по правой стороне Белой: «На пути он выжигал сено и хлеба, принадлежавшие Джамбулату и его подвластным». Общий итог действий Антропова в период с 22 по 29 сентября: «Ущерб, понесенный абадзехами (не только абадзехами, но и темиргоевцами. – Прим. С. Х.), был весьма значительный; истреблено 6 больших аулов и сожжено до 10-ти тысяч стогов и скирд сена и хлеба».

В ноябре 1829 г. в Черкесию прибыл османский чиновник Салахур-Магомет-ага с султанским фирманом, согласно которому черкесам предоставлялось с марта по май месяц 1830 г. явиться в Константинополь и принять османское подданство; те же, которые останутся на прежнем месте жительства, будут считаться русскими подданными. Для доставления эмигрантов в Турцию султан обещал прислать суда в Суджук-кале. Этим официальным уведомлением султанское правительство извещало горцев о том, что оно отказывается от своих прав на Черкесию в пользу победившей в войне Российской империи.

Значимым стратегическим итогом 1829 г. стало основание Зеленчукской укрепленной линии, нацеленной на достижение военного и административного контроля над районами расселения кабардинцев в Западной Черкесии.

После Адрианополя, на протяжении 30 – 40-х гг., происходит поэтапное изъятие из кабардинских земель 30.969 десятин для расселения Владикавказского казачьего полка.

Само собой, подобные действия никак не способствовали мирной адаптации кабардинцев к реалиям Российской империи.

11 января 1830 г. в бою с отрядом Антропова погибает знаменитый кабардинский князь Кучук Аджигиреев, один из наиболее влиятельных лидеров Хаджретовой Кабарды. Это произошло при обороне абазинского-кизилбековского аула Кумнилало на р. Андрюк от нападения отряда ген.-м. Антропова. (Всепоподаннейший рапорт гр. Паскевича, от 10 февраля 1830 г. // АКАК. Т. VII. С. 884 – 885). Событие представлялось для Паскевича важным и он сообщил о нем царю: «Между убитыми находится также известный за Кубанью наездник и всеобщий возмутитель горцев кабардинский князь Кучук-Хаджи-гирей».

13 марта 1830 г. отряд Антропова напал на аул узденя Алхаса, «который жил между егерухаевцами и был самым ярким сподвижником Джамбулата». Аул Алхаса располагался в верхнем течении Сераля. В ходе сильной перестрелки горцы отстояли аул и Антропов был вынужден ретироваться.

В марте 1830 г. темиргоевский князь Шумаф Айтеков-Болотоков принял русское подданство и со своими 8 аулами поселился на прежних местах проживания в нижнем течении Лабы. Тогда же махошевский князь Безруко Багарсуков присягнул русскому правительству и получил разрешение переселиться с подвластными ему 400 семейстами среди бесленеевцев, которые, в свою очередь, обязались гарантировать надежность подданства махошевцев.

В 1830 г. поручик генерального штаба Щербачев, составивший «Описание горских народов, живущих за Кубанью» (источник любезно предоставлен моим коллегой Маратом Губжиковым), перечисляет трех главных князей «беглых кабардинцев»: Аджи Мурзабек Хамурзин, Измаил Касаев, Кучук Аджигиреев. Первейшие уздени: Куденетовы, Анзоровы, Кандаровы, Кубатовы. Военный потенциал оценен Щербачевым

крайне скромно: в графе «число военных людей» отмечена цифра 300. (Описание горских народов, живущих за Кубанью с означением приблизительно как велико народонаселение сих племен и сколько в разных местах вооруженных людей // РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 104).

Весьма показательным является решение в 1831 г. военного совета абадзехов и других горцев центральных и восточных районов Закубанья доверить командование сформированными военными силами кабардинскому князю Арсланбеку Бесланову. (Рапорт главного закубанских народов пристава майора Синанова командующему войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани господину генералу от кавалерии и кавалеру Емануелю. 6 июня 1831 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42: Дело о восстании абадзехов и других горских племен. Л. 62).

Ген.-м. Антропов, один из главных военачальников, действовавших в это время против черкесов, оставил любопытное обозрение этнографии и военного потенциала противника: «Первенствующий народ есть абадзехи, за ними следующие бесленеевцы, потом нагайцы по левому берегу Кубани живущие, потом темиргойцы, за ними беглые кабардинцы, но сии последние между всеми ими более всех пользуются уважением и влиянием своим на образ мыслей их в отношении предприятия против русских». (Антропов. Описание закубанцев // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 1 – 7 об.).

Абадзехи не только доверяют военное руководство кабардинскому князю, но также стремятся создать прочный военно-политический союз со всеми княжескими владениями – Бесленеем во главе с Каноковыми, Темиргоем во главе с Болотоковыми, а также абазинскими князьями Лоовыми, Бибердовыми и другими. В рапорте ген.-м. Ралля от 6 июня 1831 г. сообщалось, что «кабардинский князь Асламбек Бесланов дал собранию присягу как равно и оное ему в соучастии, почему и избран он Асламбек предводителем собрания; сверх того, старают-

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

ся привести под покорность и послушание его во всех предприятых мирных абазинских лоова Бебердова [так в оригинале документа: лоов с маленькой буквы и между лоов и Бебердов нет запятой. — Прим. С. Х.] и прочих закубанских владельцев, на каковой конец сии последние по требованию их 6-го же числа должны отправиться к собранию, по прибытию коих будет сделан общий совет относительно окончания предпринятого намерения». (Там же. Л. 94 — 94 об.).

К союзу, создаваемому абадзехами, присоединились и дали присягу бесленевские князья Казельбек и Айтек Каноковы, но не стал присягать Джембот Каноков, сразу обратившийся за поддержкой к царскому командованию. (Там же. Л. 75). Рапорт закубанского пристава майора Синанова от 10 июня 1831 г. содержит сообщение о том, что абадзехское собрание находится на Большом Зеленчуке, а его представители князь Сефербей Занов* и владелец Хохондок Аджиев следуют в укрепление Арсагонское с намерением встретиться с командующим войсками на Кавказской линии генералом Эммануэлем. (Там же. Л. 79).

[*Сефербей Зан покинул Черкесию в качестве официального представителя черкесского народа и взял на себя весьма сложную миссию поиска внешнеполитической и военной поддержки борющегося народа. Время его отправления в Стамбул проясняет следующий документ, исходящий от коменданта Анапы: «Многие из приверженцев натухайского народа, посещающие анапский меновый двор, за достоверное сообщили, что проживающий постоянно в горах, между натухайцами, князь Зан-оглу Сефер-Бей, посещавший не раз крепость Анап и ведя со мной разновременно переписку по разным делам горцев, в недавнем времени пригласил с собой одного муллу Хаджи-оглу и натухайского княжеского сына Магомет Шупако — Наурзук, на весьма малом турецком судне, находившемся в Суджук-Калейской бухте, бежал тайно в Анатолию, но в какой город и по каким причинам неизвестно и самим горцам, а только слышали они, что Сефер-Бей, будто бы из Анатолии намерен быть в Константинополе и видаться с султаном, так как посланник народа, я же предполагаю достовернее, что Сефер-Бей отправился в Анатолию для ходатайства или извещения о захваченных в Суджук нашими крейсерами шести турецких судах, находящихся ныне в Геленджике». (Рапорт Анапской крепости коменданта ген.-м. Вышеславцова командующему войсками на Кавказской линии и Черномории, господину ген.-л. и кавалеру Вельяминову, от 23 мая 1832 г. // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 9. Л. 2 — 2 об.). Вышеславцов не мог предположить, что дипломатическая миссия

Сефербея Зана продлится четверть века].

«Абадзехское собрание» или «абадзехское собрание», по сути, являлось общеадыгским объединением, основной движущей силой которого выступили, по крайней мере, на начальном этапе абадзехские старшины. Упоминание о присутствии Сефербея Зана свидетельствует о таком общеадыгском характере движения. Шегакийский (хегакийский) князь Анапы, лишившийся своей родовой вотчины в 1829 г., делал в это время свои первые шаги на долгом пути организации черкесского сопротивления. В рядах собрания упоминается и знаменитый уже к этому времени своими рейдами по тылам царской армии темиргоевский князь Джамбулат Болотоков.

Собрание, расположившись на Большом Зеленчуке, направляло в Карачай своих представителей и ожидало прибытия карачаевских депутатов. (Там же. С. 80 об.). Такая линия выстраивания общегорского союза характеризует высокий уровень развития политической культуры на Северном Кавказе.

В это же самое время, когда черкесы собирались с силами для дальнейшей борьбы, Эммануэль предложил системе военных действий, ключевым элементом которой было нанесение максимального ущерба системе жизнеобеспечения горцев и осуществление тактики выжженной земли в зимнее время. «Я желаю исполнить экспедицию осенью, ибо летнее время неудобно для действия против горских народов как по причине большой потери людей от войны в лесу, которую неприятель всегда ведет в сие время; где он легко скрывается и наносит как значительный вред, так и потому, что летняя экспедиция не обещает столь важных последствий: ибо горцы летом имеют способы вывести свое семейство и имущество к самым вершинам Кавказских гор и обеспечив их таким образом, выставить большие силы: они могут продовольствоваться удобно рогатым скотом; запастись на зиму хлебом, который останется на корм; выстроить вновь разоренные нами жилища на зиму и другие выгоды, которые они не могут иметь осенью». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 89 об. — 90).

С июня до середины сентября 1830 г. отряд полковника Флиге находится, «не тревожимый горцами, на занятой им позиции у «Длинного леса», в 70 верстах от Усть-Лабы».

15 ноября 1830 г. произошло сражение «абадзехского скопища» с русским отрядом. Майор Синанов представил именную список закубанских владельцев и узденей, участвовавших в сражении 15 ноября 1830 г. В их числе фигурируют кабардинцы: князь Джамбет (Джамбот, Джамбулат) Атажукин, уздени Асламбек Махоков, Вахача Елдаров, Ужико Жан-

зитов, Исмаил Ашкулов, Исуп Шидов, Асельскир Безергенов, Мастафа Жанситов. Напротив этой группы кабардинцев отмечено: «находятся в бегах и имеют жительство в Абадзехах». (Список именной закубанским владельцам и узденям, участвовавшим во время сражения 15 ноября 1830 г. со стороны абадзехского скопища, когда ранен князь Едигей Мансуров. Января дня 1831 года // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Л. 9 - 9 об.). Здесь же упоминается аул Асланбека Бесленова, расположенный на Урупе, в котором «под поручительством» находился один из участников сражения: «мирный кабардинец Магомет-мурза Батошов».

Наряду с кабардинцами в сражении приняли участие ногайские мурзы: Темиш Мансуров, Исмаил Сунжев, Камбулат и Малай Карамурзины. Последние, за исключением Камбулата Карамурзина, который «находится в своем ауле при Кубани состоящем», также укрывались в Абадзехии.

Участие приняли «мирные бесленевцы» князь Шалох Каноков и уздени Ибраим Тодрашов и Каномет Саходух, все нашли убежище в Абадзехии. Указывается, что Каномет Саходух, «как утверждают, ранил князя Едигея Мансурова и после сражения учинил побег к абадзехам». (Там же).

Упомянутый в этом документе Асламбек Махоков погиб в бою с отрядом Засса 17 июня 1834 г. (Рапорт полк. Засса ген.-л. Вельяминову от 25 июня 1834 г., № 69. Невинный Мыс // АКАК. Т. VIII. С. 744-745).

Упомянутый Ужико Жанзитов, по всей видимости, одно лицо с «бежавшим за Кубань» Увыжуко Жанситовым из «Ведомости исчисления кабардинского народа...» 1825 г. (Материалы Я. М. Шарданова... С. 18). Комментаторы нальчикского издания Торнау — Б. М. Керефов и Р. У. Туганов — убедительно сопоставили с Увыжуко Жанситовым фигурирующего в мемуарах Торнау Хаджи Джансеида: «Именно в такой огласовке (Жансит) Хаджи Джансеид упоминается в кабардинской песне «Пляс о Асланджери». Судя по контексту песни, он обвиняется как соучастник убийства Аслан-Гирея Биасланова («Жансит хъэжыжьри, пшыжь сыхъэтмыгъуэт, пшыжь угъурсызт, жылагъуэр, дыкыгъунэхъуш» — Жансит-хаджи старый, князь зловерный... всему аулу несчастье принес» — НПИНА. Т. 3. Ч. 2. С. 94-98), хотя, подробности, изложенные Ф. Торнау, будто бы не дают повода для этого». (Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: «Эль-Фа», 1999. С. 404).

В песне-плаче об Асланджери есть такие строчки:

«А, дуней у кого совесть черная — так это у Гуашахуж презренной». (НПИНА. Т. III. Ч. 2. С. 98).

Таким образом, песня-плач

фиксирует негативную роль в судьбе Аслан-Гирея не только Жанситова, но и супруги князя — Гуашахуж, имя которой точно соответствует имени Гуашафуджа, зафиксированному у Торнау. Просто у Торнау дается кяхское (западно-адыгское) произношение, в котором — *фуджа* восходит к *фыжьы* «белый» (сравните с каб. *хужь* «белый»).

Вариант песни об Асланджери из НПИНА начинается с указания на то, что смерть князя оплакивается абадзехами: «(Уой, дуней гуша) абадзехи могучие (уа сармахо) селят».

Вариант из СМОМПК еще более детально разворачивает перед слушателем картину кабардинской жизни в абадзехском краю. Здесь упоминаются: долина Курджипса, каменный дом (уарде-хунер) Аслан-Гирея в долине Курджипса, Дауровский большой аул по соседству, друг и сподвижник князя Хапач Дауров. (СМОМПК. Вып. 25. Тифлис, 1898. С. 49-50).

Согласно Торнау, Увыжуко-хаджи Жанситов погиб в 1843 г.: «Хаджи Джансеид жил долее. В тысяча восемьсот сорок третьем году он кончил жизнь на моих глазах. Я служил тогда на Кавказе. Небольшой отряд из двух пехотных батальонов, пятисот линейных казаков и четырех орудий сопровождал командующего войсками на Линии В. О. Гурко, выехавшего осмотреть места на среднем Урупе. При обратном следовании мне было поручено с полсотней мирных ногайских князей опередить отряд для занятия скалистой высоты, заслонявшей нашу дорогу. Неприятельская конница, не успевшая завладеть ею, стала собираться на противоположной горе, пешие черкесы бежали к ней на подмогу. Наблюдая за неприятелем в зрительную трубу, я заметил на другой горе ездока в желтой чалме, смотревшего также в трубу на наши приближающиеся войска. Это был хаджи. Мои ногайцы не замедлили узнать его и подняли крик: «Твой приятель! Твой приятель!» Он узнал меня в свою очередь, и мы разменялись поклонами. Через час подошли войска, мы спустились в долину, разделявшую обе горы, и дело началось. Триста конных черкесов, желтая чалма впереди, без выстрела, без крика, налетели неожиданно на овраг, в котором залегли спешенные казаки, спустились в него и стали рубить их. Конницы не было под рукой, пехота находилась довольно далеко, одно казачье орудие стояло вблизи. Я приказал ему скакать навстречу черкесам. Храбрый сотник Бирюков, не дожидаясь прикрытия, стрелой подлетел с ним к неприятелю на триста шагов, снял с передка и двумя картечными выстрелами совершенно его смешал. Желтая чалма исчезла в дыму и более не показывалась, уходящие черкесы подняли

чье-то тело. Тембулат, бывший возле меня, своим соколиным глазом увидел падение Джансеида.

- Хаджи убит! - крикнул он, поблелев как полотно, - он был джигит, он был хороший человек! Помолитесь за него.

И с этими словами он соскочил с лошади и стал творить молитву». (Воспоминания кавказского офицера 1835, 36, 37 и 38 года. Часть вторая. М.: В университетской типографии (КАТКОВ и Ко), 1864. С. 172-173).

Символично, что эти завершающие страницы барона Торнау написал весной 1864 г. — во время последних героических и трагических дней Черкесии.

В мемуарах барона Хаджи Джансеид появляется в первой части — при рассказе о черкесских паломниках, возвращавшихся из Мекки и потерпевших крушение на абхазском берегу. Согласно Торнау, осенью 1834 г., «перед моим приездом в Абхазию, выбросило бурей недалеко от устья Бзыба турецкое судно, на котором возвращались из Мекки черкесские хаджи. Ни один из них не знал абазинского языка, и это их погубило. Простые абхазцы, из ближайших селений, услышав о крушении судна с чужими людьми, говорящими на каком-то непонятном языке и имеющими при себе много товара и богатое оружие, сбегались их грабить. Хаджи стали обороняться, и дело кончилось тем, что народ перебил из их числа тридцать трех человек. Только семеро успели спастись от смерти, благодаря Ростому Инал-ипе, к несчастью, прискакавшему слишком поздно на место побоища. Спасенные им черкесы, все, без исключения, были покрыты ранами. Владелец, который не мог смотреть равнодушно на это несчастное происшествие, призрел раненых у себя в доме, где старался всеми способами облегчить их горькую судьбу. Между ними находился семидесятилетний кабардинец, Хаджи Джансеид, которому абхазцы прибавили шесть новых ран к двадцати прежним, покрывавшим его старое тело. Казалось, смерть его была неизбежна, но благодаря уходу за ним во владетельском доме, он вылез из него и со всеми принадеждавшими ему вещами и большими подарками был отправлен к себе». (Воспоминания... Ч. I. С. 71). Этот неблагоприятный поступок осложнил отношения жителей Абхазии с черкесами — кабардинцами, шапсугами и абадзехами, «имевшими между побитыми хаджиями своих соотечественников».

Благородное заступничество Инал-ипа и Михаила Шервашидзе позволяло им рассчитывать на поддержание нормальных контактов с различными территориями Черкесии.

Самир ХОТКО.

Продолжение в следующем выпуске.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

КАРТЫ МОСКОВИИ
ПАОЛО ДЖОВИО (1525)
И БАТТИСТА АНЬЕЗЕ (1554)
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
КАРТОГРАФИИ ЧЕРКЕСИИ

Одним из источников информации о России для Джовио являлся его современник, русский книжник и дипломат Деметрий Герасимов («посол Дмитрий», Дмитрий Толмач, Дмитрий Схоластик, латинизированное имя Деметрий Эразмий, лат. Demetrius Erasmus, ок. 1465 – после 1535 или 1536), один из первых посредников между европейской культурой эпохи Возрождения и Московским государством. В 1510 – 1525 гг. неоднократно находился в составе посольств в Европе, в том числе в Вене.

Находясь в Риме, летом 1525 г. Герасимов выступил консультантом Паоло Джовио, опубликовавшего затем «Книгу о посольстве Василия, великого князя Московского, к Клименту VII» (Pauli Jovii Novocomensis de Legatione Basili Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII liber). Книга содержит много географических и культурных сведений о России (а также Швеции и Дании, также хорошо известных Герасимову), достаточно точных. Джовио сообщает о чертеже Московии и сопредельных ей земель, который, однако, не был найден ни в одном из экземпляров его книги. Первый и единственный ныне известный экземпляр этого чертежа, датированный 1525 г., был выставлен на аукционе Sotheby's, проходившем в Лондоне 7 декабря 1993 г. Сейчас он хранится в Москве, в собрании РГА-ДА, ксилография, ок. 80 на 40 см, вверху справа в картуше: «MOSCHOVIAE Tabula ex relatione Demetree ... Anno M.D.XXV. Mese Octobris»). Фактически, это первая гравированная карта России. (См. статью «Дмитрий Герасимов» в Википедии).

Предполагается, что Герасимов сообщил Джовио лишь устные сведения, но не начертил и не передал ему никакого изображения; это подтверждает датировка чертежа октябрем 1525 г., то есть временем уже после отъезда посольства.

Очевидно также, что Джовио пользовался не только сведениями Герасимова. С большой долей уверенности, мы можем полагать, что Джовио опирался также на книгу своего современника генуэзца Джорджо Интериано «Быт и страна зихов, именуемых черкесами», вышедшую в свет в Венеции в 1502 г. Учитывая то обстоятельство, что Джовио

испытывал огромный интерес к мамлюкскому Египту и Османской империи, в целом, к Востоку, мимо его внимания никак не могла пройти книга о черкесах, изданная в его городе. Джовио оставил нам описание мамлюкского государства, снабженное необычайно любопытными портретами трех султанов черкесской династии – Каитбая, Кансава ал-Гаури и Туманбая. (Pauli Jovii Novocomensis episcopi Nucerni Vitae illustrium virorum: tomis duobus comprehensae, & proprijs imaginibus illustratae. 1578. Портрет Каитбая: <http://www.pitts.emory.edu/woodcuts/1578Giov1/00021365.jpg>. Портрет Кансава ал-Гаури: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/68/Portrait_of_Al-Ashraf_Qansuh_al-Ghawri_by_Paolo_Giovio_Paolo_1483_1552.jpg. Портрет Туманбая II: <http://www.pitts.emory.edu/woodcuts/1578Giov1/00021516.jpg>).

Поэтому, небольшой комментарий, начертанный им на карте 1525 г., (к востоку от Азовского моря), по всей видимости, восходит к Интериано: «Эта страна населена черкесами христианами, которые в другое время поставляли рабов в Каир, к великому султану». («Hanc regionem habitat Circassi Christiani qui alias venales Cayrum ad magnum Soldanum portabantur»).

Вот две цитаты из Интериано на тему связи Черкесии с мамлюкским Египтом: «Большая часть проданных увозится в город Каир, в Египет, и таким образом [случается], что fortuna превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были, в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т. п.». «Эти зихи по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей [отличающихся] величественной наружностью между мамлюками и эмирами, большинство которых, как было сказано, из их племени». (Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В. К. Гарданов. Нальчик: «Эльбрус», 1974. С. 48, 50).

В дальнейшем, итальянские картографы опирались на карту Джовио и Герасимова.

Так, генуэзец Баттиста Аньезе (Battista Agnese, ок. 1500 – 1564), трудившийся в Венеции, в 1553 г. составил рукописный

атлас, включивший морскую карту с прямой ссылкой на Дмитрия: «Карта Московии, составленная по рассказу посла Димитрия» (Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descripta). На этой карте ближе к устью Дона отмечена CIRCASSIA, а на Западном Кавказе – MENGRELIA.

Интересно, что уже на следующий год (1554) Аньезе составил свой очередной морской атлас, в котором регион Черкесии не содержит названия Черкесия, а вместо него в районе Восточного Приазовья широко нанесено «MENGRELLI». Зато тут же помещен весьма любопытный пояснительный текст, посвященный этим черкесам. Это напоминает нам карту Джовио, но содержание текста иное.

В. А. Кордт отмечал влияние карты Джовио и, соответственно, Герасимова на представления Аньезе: «В 1871 г. венецианский книгопродавец и издатель Ф. Онганья приступил к изданию целого ряда рукописных карт итальянского происхождения и в 1881 г. выпустил морской атлас Баттисты Аньезе, составленный в 1554 г. (Carte nautiche di Battista Agnese dell'anno 1554; 34 tavole in folio. Venezia, 1881. Подлинник этого атласа хранится в библиотеке св. Марка в Венеции). В числе 34 карт этого атласа находится и карта России 1525 года с современной надписью слева вверху: Moscoviae tabula relatione dimetrii legati descripta sicuti ipse a pluribus acceperit, cum totam provinciam minime peragrasset fateatur anno MDXXV octobris. Михов в своей книге о древнейших картах России впервые указал на то, что упоминаемый «dimetrius legatus» есть Димитрий Герасимов, и что эта карта Баттисты Аньезе «составленная по данным посла Димитрия» есть именно та карта, которую Иовий обещал приложить к своей книге». (Материалы по истории русской картографии / Под. ред. В. А. Кордта. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. 15 с., 32 табл. С. 3).

Кордт, прочтя на карте ссылку на посла Дмитрия, сделанную Аньезе, ошибочно предположил, что перед ним и есть та самая карта 1525 г., составленная Джовио под влиянием Герасимова, и просто перерисованная Аньезе. На самом деле, карта Аньезе 1554 г. очень сильно отличается от карты 1525 г.

Джовио, Паоло. Карта Московии. 1525 г. Фрагмент. Ксилография. Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Он. 6. Д. 963. <http://rusarchives.ru/statehood/04-12-karta-moskoviya.shtml>

На карту 1554 г. с надписью о черкесах указывает в своем обстоятельном труде признанный специалист в области исторической картографии России и бассейна Черного моря И. К. Фоменко. Он приводит перевод данного текста: «В этой земле проживают чиркасы-христиане, которые за большие деньги занимаются перевозками на своих судах, выдолбленных из цельных стволов деревьев, из одного места в другое». (Фоменко И. К. Образ мира на старинных портланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.: «Индрик», 2011. С. 180).

Изображение этого текста Фоменко, к сожалению, не

приводит. Более того, в силу неизвестных нам причин, он опубликовал не ту карту с цитируемой надписью, а очень похожую без надписи.

Рисунок 16-й, на который указывает Фоменко в своей книге, помещен на следующей странице после процитированного отрывка, но вместо Аньезе мы находим здесь портлан 1439 г. Габриэла де Валсеки. (Там же. С. 181). На странице 183-й монографии Фоменко помещен фрагмент карты Аньезе «Рис. 17. Морская карта из атласа 1553 г. Баттиста Аньезе». Приведем точно соответствующую карту (фрагмент), взятую, как нам представляется, автором дневника в «Живом журнале» из работы Фоменко:

<http://mikle1.livejournal.com/2265293.html>

Говоря о карте с пояснительной надписью о черкесах, Фоменко дает ссылку: «Fac-Simile delle carte nautiche di Battista Agnese dell'anno 1554. Venezia, 1881. Атлас состоит из 34 листов: бассейн Черного моря – лист № 11-а; бассейн

Черного моря и Восточная Европа – лист № 23-а».

Заглянув, по совету Кордта и Фоменко, на сайт библиотеки Святого Марка в Венеции, мы обнаруживаем искомую карту с текстом о черкесах:

Agnese, Battista. Carta corografico-nautica della Moscovia // Battista Agnese. S. I. [Venezia], 1554-1556. C. 24, ff. 24v-25r // <http://geoweb.venezia.sbn.it/geoweb/ods/index.aspx?s=msit6250%2fc%2f&i=6815&n=24&p=7e&t=cp>.

Источником сведений о черкесах как опытных мореходах для Аньезе мог послужить трактат австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486 – 1566), современника Джовио и Герасимова, побывавшего в Москве в 1517 и

1526 гг. Вполне вероятно также, что одним из информаторов Герберштейна выступил Димитрий Герасимов.

Напомним этот отрывок из книги Герберштейна: «Эти крайне дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, стека-

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Agnese, Battista. Portolan Chart of Europe Showing the British Isles f. 7v. 1540. Британская библиотека (British Library). <http://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/unvbrit/p/001add000021592u000070v0.html>

ющим с гор, они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности плывущих из Каффы в Константинополь». (Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 181).

Но, помимо Герберштейна и Герасимова, о военных предприятиях черкесов на море сообщали в это время венецианские дипломаты. Так, в донесении Винченцо ди Алессандро за 25 июля 1572 г. из города Конья сообщается, что «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда все поселения побережья, разорили турецкие виноградники и перебили мно-

жество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары, вследствие чего опасаются, как бы они не пришли в этот город (Конья. — Прим. С. Х.)». Из Трапезунда были снаряжены 6 вооруженных галер для защиты этой местности, с приказом от султана Селима II не выходить из порта, но сторожить только город, так как боялись, что черкесы еще больше увеличат число своих кораблей. Посол добавляет: «А мне было велено держать путь на Грузию и Черкесию, но из боязни тех корсаров я повернул обратно». (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских

колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 98).

И спустя более века ситуация в Черном море могла представлять опасность для европейского путешественника. Жан Шарден, посетивший Мегрелию в 1672 г., писал: «Я должен был сесть на корабль, но мне помешало известие о том, что у берегов Мингрелии появились барки черкесов и абхазов. Это оказалось правдой и они захватили множество судов и среди них то, что предназначалось мне». (Путешествие господина дворянина Шардена в Персию и другие

восточные страны // Адыги, балкарцы... С. 107).

Среди карт Аньезе следует также выделить портолан «Европа», хранящийся в библиотеке Британского Музея, на котором кавказский регион содержит уже более точное распределение основных этносов и населяемых ими мест. Здесь мы видим MINGRELIA на месте исторической Мегрелии. АБАСКУАС РЕГИ, смещена на северный склон и это может породить иллюзию того, что перед нами первое картографическое свидетельство присутствия абазинского населения в Черкесии. Таковое, в виде аба-

зин-тапанта, уже находилось на территории горного сектора Восточного Закубанья, но вряд ли сведения об этом могли быть столь быстро запечатлены на современных картах. Свет проливает надпись aqua, которая представлена как главный населенный пункт «абакуасской области». Акуа — это абхазское наименование Сухума. Соответственно, картограф, по всей видимости, вполне уверенный в том, что между Мегрелией и Черкесией должна быть еще и Абхазия, нашел для нее место, но сместил далеко от побережья.

Кроме того, в Интернете опубликованы еще два разных атласа Аньезе 1544 года. Первый атлас — на ресурсе Библиотеки Конгресса США. (Library of Congress), черноморская карта которого содержит указания CIRCASIA и MINGRELIA без поясняющих текстов. (Agnese Atlas. Portolan atlas of 9 charts and a world map, etc. Dedicated to Hieronymus Ruffault, Abbot of St. Vaast. 1544, http://memory.loc.gov/cgi-bin/map_item.pl). Второй — на ресурсе Национальной библиотеки Испании Atlas de Battista Agnese 16 листов, пергамент: 20 x 14 см. 1544. (<http://www.wdl.org/ru/item/7336/zoom/#group=1&page=5&zoom=1.2622922525356183¢erX=0.8975354831188934¢erY=0.3239615483131661>).

В заключение предлагаем вниманию читателя качественное изображение фрагмента типичной карты Московии Аньезе (около 1550 г.), опубликованной на сайте библиотеки Калифорнийского университета в Беркли.

Самир ХОТКО.

<http://digitalassets.lib.berkeley.edu/ds/ucb/images/heh/300/000330.jpg>